

Теоретические аспекты “новой эстетической реальности” в азербайджанском изобразительном искусстве

Гюльрена Мирза

доктор философии по искусствоведению, доцент НАНА, Институт Архитектуры и Искусства

E-mail: feridequliyeva.66@mail.ru

Картина объективной реальности в самосознании мировой культуры на протяжении XX века коренным образом изменилась. Подверглись радикальному переосмотру все основополагающие ценности. Квантовая теория, фрейдизм, неомарксизм, экзистенциализм, интуитивизм, постмодернизм преобразовали мышление человека XX века. Поиск новых картин мира сопровождался деструкцией и деформацией устаревших. Появилась так называемая “неклассическая рациональность”, которая во многом обязана была своим возникновением открытиям в области квантовой теории.

В начале XX века было обнаружено, что свет в одних ситуациях проявлял себя как волна (то есть огибал препятствия), а в других как частица (пытался сквозь эти препятствия проникнуть). Это во многих случаях напоминает наше поведение: иногда мы склонны проявлять мудрость и не ввязываться в противостояние, в других ситуациях готовы безрассудно идти на штурм.

Через несколько лет физикам удалось преодолеть возникшие трудности в интерпретации этого явления. Ключевую идею выдвинул Нильс Бор, предположивший, что частицы света, как и все остальные объекты микромира, иногда ведут себя как частицы, а иногда как волны. При этом не являются ни частицей, ни волной, ни их симбиозом. Обе картинки – корпускулярная и волновая – абсолютно верны и отражают дополняющие друг друга стороны реальности. Только учитывая оба этих взгляда, можно составить общую картину. Картину “микромира” или более широких и всеобъемлющих пластов реальности? Вопрос остаётся открытым по сей день. Такие авторы как Ф.Капра (“Дао физики” (4), А.Уилсон (“Квантовая психология” (9), азербайджанский философ Т.Баширов (“Антропный мир” (2) готовы распространить корпускулярно-волновую концепцию практически на всю реальность. Противоположной точки зрения придерживался Лев Гумилёв, считая “микромир” своего рода “нижним миром”, коренным образом отличным от мира реальных объектов и “реальных частиц” (3).

Современная физическая картина мира в чём-то напоми-

нает восточные мистические учения, что замечают Ф.Капра и Т.Баширов. Особенно это касается корпускулярно-волновой концепции и вытекающего из неё принципа дополнительности. Принцип дополнительности утверждает, что для полноты познания необходимо принять взаимоисключающие явления как дополнительные (как например теизм и атеизм, явно исключающие друг друга). Нильс Бор считал, что верность какой-либо идеи парадоксальным образом не исключает верности идеи, ей противоположной. Нечто подобное утверждал когда-то суфийский философ Ибн Араби, считавший, что не бывает неистинных высказываний, поскольку всё есть “мир Единобытия Истины” (8). В переводе на обыденный язык это значит, что чрезмерная самоуверенность неуместна и людям едва ли стоит отстаивать некие “окончательные истины” в форме жёстких вербальных формулировок. Всегда найдётся кто-то, кто имеет пусть противоположный, но не менее верный взгляд. Вспомним Кнехта из “Игры в бисер” Г.Гессе.

Другой принцип квантовой теории, “принцип неопределённости” Гейзенберга говорит, что невозможно с абсолютной точностью определить координаты и импульс частицы. Иными словами, наука доказывает, что всё в мире вариативно и относительно. А значит, есть возможность, предприняв какое-то действие, изменить ситуацию к лучшему.

И здесь очень важно понятие “точки бифуркации”, качественного скачка (2). В этой связи невозможно обойти молчанием парадоксальную историю “кота Шрёдингера”. Упрощённое описание этого мысленного эксперимента выглядит так: некий кот сидит в закрытом стальном ящике, где находится также баллон с ядовитым газом, для которого созданы такие условия, что по истечении 10 минут он может с одинаковой вероятностью взорваться или не взорваться. То есть в этот период кот находится в парадоксальном “мёртво-живом” состоянии для наблюдателя. При этом нужно учитывать то обстоятельство, важное в мировоззренческом аспекте, что от некой Высшей силы, Судьбы, зависит, выйдет ли кот мёртвым или живым из неизвестного наблюдателю неопределённого состояния.

Несколько позже появились новые идеи, развивающие, дополняющие, а подчас и противостоящие концепции отцов-основателей. Две самые интригующие гипотезы современной квантовой механики, о которых и пойдет речь ниже, объединяет желание их авторов обнаружить фундаментальное единство всех объектов Вселенной.

Теория Дэвида Бом подразумевает, что явный, всеми постигаемый мир вложен в другой, так называемый “свернутый”, который сокрыт от человека, является вневременным и непространственным (5). Как видим это, во многом, совпадает с мусульманской картиной мира. Вселенная, предполагает Бом, создана по голографическому принципу, а наш привычный мир – картина, спроецированная из другого, вневременного порядка существования. Исходя из этого, Бом был убежден в существовании динамической взаимосвязи всех вещей во Вселенной. Другая весьма популярная сегодня гипотеза в квантовой механике – теория множественных миров Хью Эверетта. По Эверетту различные “вселенные” существуют в необъятном квантовом пространстве, и лишь в сознании человека появляется единственная “классическая” реальность, называемая видимый мир. Сознание таким образом выступает как инструмент самосохранения, ибо человек запускается в одну из множества реальностей, во избежание “коротких замыканий” в наших мозговых извилинах. Впрочем, отдельные категории людей – мистики, визионеры и, возможно, младенцы, не лишены возможности посещать их. Теория Эверетта, кстати, предлагает оригинальное решение задачи о парадоксальном коте Шрёдингера, который в одном из параллельных миров умер, а в другом жив.

В связи с идеей множественности параллельных миров сразу перед глазами возникают очертания огромной сварной металлической конструкции Алтая Садыхзаде “Машина по производству ветра” (на территории завода “Метанол” – “Территории ветра”). Художник организует картину сложного порядка различных ветров многомерной Вселенной! Зритель запускается в головокружительное путешествие, гонимый галактическими ветрами по разным туннелям реальности. Скульптура только кажется трёхмерной, подобно современным математическим виртуальным объектам она как минимум состоит из десяти измерений. Зритель видит, как обнажённые души летят в многомерных пространствах. Такое впечатление, что художник коснулся самой сути объективной реальности – её многомерности и многозначности. Подобно Данте, он попытался изобразить в одном объекте всю реальность. В другом объекте, расположенном рядом, там же, Мужчина и Женщина, сидящие в розовом космическом автомобиле, несутся на встречу “чёрной дыре”. Едва уловимая печаль и ирония, всегда присутствующие в произведениях Алтая Садыхзаде, затмеваются грандиозностью картины “скрытого порядка”, известного лишь художникам, посвящённым и гениям.

Теория множества реальностей может объяснить, в частности, почему догматы мировых религий являются взаимоисключо-

чающими и противоречащими друг другу. Развивая эту мысль, Уилсон приходит к выводу что “вселенная” православного ортодокса – это одна “психонейролингвистическая “вселенная”, “вселенная” исламиста – это другая “вселенная”, “вселенная” активиста Республиканской партии США – третья (9).

В этом смысле настоящие художники составляют исключение из общей фанатичной массы фундаменталистов различных толков. Их “фундамент” – “вселенные”, созданные их фантазией, воображением и они непохожи ни на одну догматическую вселенную “людей, которые всегда правы” (выражение Уилсона). Каждый большой художник создаёт свой неповторимый мир и буквально живёт им и в нём, создает новую эстетическую реальность, то есть реальность самоценного эстетического объекта, не копирующего видимую действительность, она и есть мир абстракций

Хотя существует целая область гуманитарных дисциплин, т.е. наук о человеке и культуре, им создаваемой, мы к сожалению можем анализировать только артефакты, структуры и системы культуры, но мы не знаем “что есть душа?”, “что есть дух?” и “что есть Истина?”. То есть мы ещё очень мало знаем о человеке. Познание же его паранормальных проявлений, похоже, уводит в сторону от основного объекта исследований, хотя и может пригодиться в культурологии и искусствоведении, особенно в исследованиях художественной культуры XX века. Например, сюрреализм и некоторые др. течения, тесно связанные с психоанализом, напоминают о существовании парapsихологического и паранормального. В этом отношении имеет смысл пристально исследовать и постмодернизм.

Азербайджанский постмодерн развивается в том же ключе, что и западный, хотя то, что азербайджанской публике подчас кажется “сверхновым” и “ультрамодным”, на Западе практиковалось в конце 60-х и в 70-е, на заре постмодерна. Общая тенденция в азербайджанском постмодерне – это понижение креативности и “самоустранение автора”, т.е. этап, имевший место на Западе чуть – ли не в 50-е и 60-е гг. если рассматривать поп-арт и концептуализм как часть культуры постмодерна. На мировоззренческом уровне всё это прямо смыкается с рассмотренными выше деструктивными или “деконструктивными” тенденциями в философии (опять же, например, интегрализм Уилбера или отчасти “квантовая психология” Уилсона).

С учётом всё той же специфики постмодерна работает Мелик Агамалов (выставка в лондонской галерее Де Пюри в январе 2012 г). Это также проекты Сабины Шихлинской и безвременно ушедшей из жизни Лейлы Ахундзаде в динамике от середины 90-х до сегодняшнего дня.

Искусство XX века, вдохновлённое новыми открытиями и философами, в том числе и азербайджанское искусство, стремилось (западное в первой половине века, азербайджанское – во второй половине) отразить новую и крайне “смутную”, абстрактную картину объективной реальности как бы целиком, чуть ли не в одном произведении или в серии картин (подобно “квадратам” Малевича). Причём здесь как бы прослеживаются

на первый взгляд две взаимоисключающие тенденции – тенденция к отражению реальности в абстрактной форме (как, например, у Мондриана) и тенденция к созданию “новой эстетической реальности” (как у Кандинского или Н.Габо). Однако на практике две эти тенденции, по всей видимости не противоречили друг другу. И даже доведённая до субъективного предела “новая эстетическая реальность” оказывалась глубоким проникновением в реальность объективную, причём вселенскую (как у Кандинского).

Таково и творчество нашего современника Мир Надира Зейналова. Жизнь Вселенной, жизнь космоса и её биоритмы, пропущенные сквозь субъективную экспрессивность – такова тематика его картин. Художник верно приметил, что творческий метод абстрактного экспрессионизма сродни живописному методу китайских художников и стилистически пытается синтезировать западные, азербайджанские и китайские традиции.

Да, Зейналов создаёт “новую эстетическую реальность”, но она парадоксальным образом оказывается отчасти субъективным отражением объективной реальности. Не несущественных деталей, не сюжетных коллизий, не человеческих взаимоотношений, а чего-то иного, большего, космического. И тут очень помогает ориентация на творческую переработку дальневосточных традиций, где практически отсутствовала оппозиция “культура – природа”, равно как и субъект – объектные диссонансы. Картина Зейналова – самоценный эстетический объект, но он, как это ни парадоксально, неотделим от пульсации вселенских ритмов. Это парадокс, это некая тайна... Здесь, как и в дальневосточной живописи присутствует “смутно – неуловимое”, “неясное”, спонтанное и естественное и в конечном итоге вербально невыразимое. Отсюда название одной из картин художника – “Неизъяснимый Путь”. И это не “прямой исламский

путь” шариата, а криволинейный, зигзагообразный путь самого естества природы с её чередованиями подъёмов и спадов, дня и ночи, весны и осени, “ян” и “инь” в их дополнительности и чередовании, но не борьбе.

Но ещё более глубокое проникновение в “пустое тело Дао” (удачная формулировка профессора В.В.Малявина) (6) мы обнаруживаем в картине Алтая Садыхзаде “Нирвана”. Картина соответствует одному из наиболее удачных определений “нирваны” как “потока безупречно чистых состояний сознания”. Естественно, картина выполнена в стилистике абстракционизма, хотя в ней и можно усмотреть фигуративные аллюзии с буддистской “чудесной лестницей Пути”. Холст не совсем пуст, хотя и лаконично выразителен, асимметричен в японском духе “одного угла” и наиболее адекватно передаёт идею пустотной наполненности и ясности, а не негативного ничто.

В своё время Озанфан и Хуан Грис спорили о фигуративности и нефигуративности в искусстве (7). Сейчас уже эта проблема не стоит. Фигуративное и нефигуративное дополняют друг друга (как у М.-Н. Зейналова и особенно А.Садыхзаде) в современном искусстве. Чисто абстрактное искусство (образцов которого не так уж много, поскольку и у классиков абстракционизма мы повсеместно находим фигуративные элементы как у П.Клее, Х.Миро и Г.Арпа) изображает одну сторону глобальной объективной реальности Вселенной (естественно, пропущенную сквозь призму субъективного восприятия художника). Фигуративный авангард – другую сторону. Так почему же их не совместить? Так и поступают современные художники, особенно наши, азербайджанские мастера, создавая “новую эстетическую реальность”, дополняющую и отражающую реальность объективного мира в целом, включая его субъективные “антропные” аспекты. ❖

Ədəbiyyat:

1. Mir Nadir Zeynalov. Painting. - Б., 2009.
2. Баширов Т. Антропный мир. - Б., 2007.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: АЙРИС – ПРЕСС, 2002, 557 с.
4. Капра Ф. Дао физики. Москва, 2001, 298 с.
5. Майкл Тэлбот. Голографическая Вселенная. - М. 2001.
6. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Времени. М.: “АСТ” - “Астрель”, 2000, 437 с.
7. Мастера искусства об искусстве. Том 5.1. – М., 1963.
8. Средневековая арабская философия. Проблемы и решения. – М.: “Восточная литература” РАН, 1998-527 с.
9. Уилсон Р.А. Квантовая психология. – Киев: “София”, 2005, 208 с.

Xülasə

Məqələnin müəllifi XX yüzilliyin kvant nəzəriyyəsi, freydizm, neomark-sizm, ekzistensializm, intuitivizm, postmodernizm kimi təzahürlərinin dünya və Azərbaycan incəsənətinə təsirini araşdırır.

Açar sözlər: incəsənət, dünyanın rəsmi, estetik reallıq, kvant nəzəriyyəsi, postmodernizm.

Summary

The author of the article investigates the effects of quantum theory of XX century on the world and Azerbaijan art, such as freudism, neo-homogeneity, existentialism, intuitionism and postmodernism.

Key words: art, picture of world, aesthetic reality, quantum theory, postmodern.